

Воспоминания о жизни и работе на Диксоне

Часть 3

Н. Параскевопуло

Николай Параскевопуло

Воспоминания о жизни и работе на Диксоне

«Автор»
2026

Параскевопуло Н. Х.

Воспоминания о жизни и работе на Диксоне / Н. Х. Параскевопуло — «Автор», 2026

Диксон, 1984–1989 годы. Работа радистом и начальником смены на приёмном центре связи, жизнь в общежитии и коммунальной квартире, переписка с одноклассницей, её приезд на остров. Перемены в стране и в службе связи: аппаратура «Циклон», новая приёмная, первые компьютеры. Фотографии из архива автора и воспоминания коллег.

© Параскевопуло Н. Х., 2026
© Автор, 2026

Содержание

1984 — 1985 6
Кружка 12
Конец ознакомительного фрагмента. 25

Николай Параскевопуло
Воспоминания о жизни и работе на Диксоне

Параскевопуло Н.
Воспоминания о жизни и работе на Диксоне. Часть третья
© Параскевопуло Н., 2026
Ксанти

От автора

Это продолжение воспоминаний о жизни и работе на острове Диксон с начала 1980-х годов.

Многие события и фотографии сохранились благодаря друзьям, коллегам и архивам семей полярников.

Всем им — моя благодарность.

1984 — 1985

Вот и Новый 1984 год.

Никаких вахт и волнений по поводу работы первого января или в ночную смену. Полноценные новогодние праздники — можно спокойно отлежаться, отоспаться. После, наверное, самого любимого праздника наступала тишина — никаких телефонных звонков, гостей, встреч. Тихо. В этой тишине вдруг вспомнилась школа, друзья, одноклассники. Достал фотографии и, просматривая их, пришёл к осознанию того, что это время уже никогда не повторится. Всё — этого больше не будет. От этой мысли стало, как-то тревожно.

И только сейчас для меня стали по-настоящему понятны строки поэта Николая Новикова:

«Никогда ничего не вернуть,
как на солнце не вытравить пятна,
и в обратный отправившись путь
никогда не вернёшься обратно.
Эта истина очень проста,
и она точно смерть непреложна,
можно в те же вернуться места,
но вернуться назад — невозможно.»

Достал фотографию Ларисы, вспомнил нашу, уже почти семилетнюю переписку. Её первое письмо мне в училище, и смешные строки в стихах из её письма:

...Вы мёрзнете в Питере ледяном,
в бушлате своём и кителе…



Лариса. Джамбул, 1975 год. 10 класс.

Фотография напомнила мне о том, как я впервые увидел Ларису и как началась наша переписка.

Знакомы мы были со школы. Лариса пришла в 7 класс «В», а я учился в «Б». Она мне сразу понравилась. В 9 классе мы оба учились в «Б» классе. После школы она решила поступать в МАИ, и я тоже решил ехать в Москву. Мы не поступили, и вернулись домой в Джамбул. Иногда удавалось встретиться, на одной из таких встреч — проводы в армию нашего одноклассника Серёжи Фомаиди. На встрече звучала популярная тогда песня — «Студентка-практикантка».

В песне были и такие слова:

«… И Таня написала
На листике тетрадном,
Ты подрасти немного,
Согласна подождать»

Когда звучали эти слова Лариса посмотрела на меня улыбаясь… Мне это было очень приятно. Разница в росте на тот момент была большая — сантиметров двадцать. Надо сказать, что я прилагал усилия — каждый день занимался на турнике, и даже научился делать «склёпку».

В 1977 году Лариса поступила учиться в Москве, а я в Ленинграде. В том же году мы и начали переписываться. Уже и не помню, кто из нас первым нашёл адрес и написал письмо. Обменивались впечатлениями о начале учёбы, о фильмах, о прочитанных книгах.

Однажды в письме, стараясь привлечь больше внимания к себе, я придумал историю. Будто бы познакомился с девушкой, которую зовут Эвридикой. Расписал как мы гуляли, бродили по городу. И в конце концов решили пожениться.

Уж и не знаю, что восемнадцатилетний юноша хотел получить в ответ, на какую реакцию я рассчитывал. Ответ пришёл быстро. Лариса писала, что она удивлена, но рада за меня. Там были и такие строки:

— Я ждала, ждала... когда ты подрастёшь, а ты раз... и нашёл Эвридику!

У меня словно крылья выросли от этих слов. Но было и неудобно за выдуманную историю. И в следующем письме я признался в том, что всё это выдумка, а на самом деле я просто люблю её — Ларису.

Думал — «ну всё больше не напишет».

Но нет, ответ пришёл быстро:

— Ух, Колька ты столько нафантазировал! Но знаешь, я пока любви не встречала…

Для меня это было почти как приговор. Но переписываться мы не прекратили, и это радовало.

С тех первых писем прошло уже почти семь лет. Мы уже и отучились, и отработали несколько лет. Но по-прежнему переписывались. Письма от Ларисы были частью моей жизни. Они придавали мне сил и надежды — что всё ещё может быть.

Каждый раз возвращаясь с работы, я первым делом проверял почтовый ящик — нет ли там письма. Рафик однажды, смеясь пообещал:

— Я нарисую тебя «в почтовом ящике», что ты каждый раз проверяешь!

Ребята, с которыми жили раньше в общежитии — Юра, Сергей и Коля Воробьёв — были уже семейные. В комнате я жил один. Иногда приходил Рафик, немного позже он переехал в наше общежитие. Он работал по вахтам.

Работа в дневное время позволяла мне принимать участие в спортивных мероприятиях. В волейбол играли не только на острове, но и в посёлке Диксон. Там было несколько команд: морпорт, ПМК, гидробаза, иногда выставлял команду и райисполком. Наша команда приезжала в посёлок на вездеходе. Попутно можно было закупиться продуктами в посёлке, здесь ассортимент был лучше и богаче. Сказывалось то, что в посёлке находился райком партии и исполнительный комитет. Однажды возвращались с соревнований в посёлке по волейболу. По дороге обратно на остров долго решали у кого будем отмечать победу. Все были люди семейные — жёны, дети, соседи по коммунальной квартире. Вспомнили, что я в общежитии живу.

— Я не против, но закусывать нечем…

— Ну с этим мы разберёмся. Яйца, тушёнка, нарезали хлеб.

Пришли в общежитие, у нас никого — все на вахтах. Сделали яичницу, открыли тушёнку, нарезали хлеб. Никто не мешал — наговорились, наобсуждались. Саша Нестеров, капитан команды и отличный волейболист — всё приговаривал:

— Колька ты ешь давай. Мы-то домой придём — у нас жёны. А ты один, знаю я жизнь холостяцкую.

Атмосфера в команде всегда была доброжелательной, даже когда проигрывали и возникали споры. Саша Нестеров, Витя Игнашин, Коля Иванов, Каширин... Всех уже и не помню.

Этот вечер запомнился мне. Такие встречи были редко, но они помогали легче переносить полярную ночь и делали жизнь теплее.



Волейбол в спортзале школы острова Диксон. Из личного архива автора.

Спорт, общение, книги — всё это было частью нашей жизни в долгую полярную ночь. Но главным оставалась работа — подготовка будущих радистов. Дни на острове складывались в привычный порядок: днём — работа, вечерами — спорт, встречи с друзьями и разговоры обо всём.

У школьников были каникулы, а мои взрослые ученики понемногу постигали азы профессии. Было радостно видеть, как они начинали всё увереннее принимать морзянку. Понемногу переходили к изучению правил радиообмена. Не так много времени оставалось до майских экзаменов на квалификацию, но часть пути уже была пройдена.

Одним из минусов дневной работы была необходимость посещать комсомольские собрания. Уже нельзя было отказаться, сославшись на ночную вахту или работу в смене. С одной стороны, это была возможность общения молодых людей, принятия каких-то конкретных, инте-

ресных решений. Но отсутствие настоящих дел и интересных идей постепенно превращало такие собрания в формальность.

Были у нас и комсомольские субботники. В свой выходной приходили на будущее место спортивной площадки. Особенного энтузиазма работать в свой выходной не было. Приходили в основном одни и те же люди. Начинали с укладки брёвен для спортивной площадки. Подсказывал, что и как делать Василий Трушкин — мастер ремонтно-строительного участка гидромета. Но всё это шло очень медленно и сложно: то техники не было, то не хватало рабочих рук. В конце концов руководство управления устало от постоянных претензий депутатов и комсомольцев. В итоге площадку построили рабочие РСУ. Площадка эта простояла очень долго, в волейбол там не играли, но футбольные баталии устраивали.

Однажды решили устроить факельное шествие. По-моему идея принадлежала Владимиру Тишину, а поддержал её комсорг гидрометслужбы Владимир Пауль. Сделали факелы, пропитали их горючей смесью. И когда всё было готово, прошагали с факелами и лозунгами от памятника воинам-североморцам до управления гидромета. Наверное, со стороны это выглядело красиво. Зима, снег, полярная ночь и движущиеся огни в темноте.

Хотя общественная жизнь и была во многом формальной, предложение вступить в партию заставило меня серьёзно задуматься. Вступать в КПСС ради карьеры у меня и в мыслях никогда не было — я об этом вообще не задумывался. Да и о «карьере» никогда не думал. Главным для меня было знать и уметь больше в том деле, которым я занимался. Зарплата и должность не были для меня главным. Помню, что начиная с детства мне всегда было неприятно казаться кем-то, но не быть им. И этот вопрос «быть или казаться» преследовал меня очень долго.

Мне всегда казалось, что всё должно быть правильно. Помню, что класса до пятого или даже позже думал, что люди притворяются. Все же знают: «... что такое хорошо, и что такое плохо», знают как надо поступать. Я не мог себе объяснить, почему некоторые поступают «плохо» или неправильно. И мне казалось, что в партии и правительстве находятся только честные и справедливые люди. Первый раз я усомнился в этом, когда Володя Тишин мне сказал:

— Ты что думаешь «там» все умные и справедливые?

Надо признаться, что да, я так думал. А может просто никогда всерьёз об этом не задумывался. Наивность и вера в то, что в основном люди знают, как правильно поступать, но иногда почему-то этого не делают. Наивность — не лучшее качество для человека двадцати пяти лет, который уже несколько лет отработал на севере, учился в ЛАУ. Но таким я себя помню в то время. Поэтому к предложению вступить в партию, я относился серьёзно, и для меня это был важный вопрос.

В один из вечеров ко мне зашёл в гости Олег Усольцев. Мы были знакомы ещё по училищу. Он уже был членом КПСС. Я спросил его совета вступать ли мне в партию, высказал свои сомнения? Ответ, как я понял позже, был довольно мудрым:

— Ничего не буду советовать. Это твоё личное дело, и ты сам принимаешь решение.

Поговорили про работу, про то, что три года отучились, а специалистами пока не стали. Олег был женат, у него уже дочке было больше двух лет. Остальные ребята тоже уже были не одни, и заходили в гости редко. Семейная жизнь диктовала свои условия.

Однажды зашёл Сергей Гайдуков. Мы были большие друзья и в училище, и уже на Диксоне. Много времени проводили вместе. Но всё… Серёга теперь семейный человек. За чаем вспомнили практику на Шпицбергене, мы были вместе, но в разных геологических партиях, в разных местах архипелага. Он напомнил про кружку, которую мне подарили норвежцы. Кружку эту в Баренцбурге он просил отдать за все талоны на водку. В Баренцбурге в то время водку можно было купить только по талонам. На один талон не более двух бутылок водки в месяц.

— И где теперь твоя кружка! Потеряется в далёком твоём Джамбуле!
Слова Сергея напомнили мне историю этой кружки.

Кружка

После третьего курса ЛАУ у нас была практика на норвежском острове Медвежий (Bjørnøya). Там располагалась полярная станция, на которой постоянно работали одиннадцать человек. Мы провели на острове около трёх месяцев. Вместе с геологами ходили в маршруты, дежурили на кухне и обеспечивали радиосвязью наш коллектив.

В конце нашей экспедиции нас пригласили на станцию — устроили небольшой праздник. Наша группа состояла из пяти человек: начальник Александр Лазаревич Пискарёв, старший геолог Василий Алексеевич Рахин, Инна Бородич, студентка биологического факультета ЛГУ, и мы — двое курсантов ЛАУ.

На станции в это время находился вёртолет. Два пилота отдыхали и тоже приняли участие в «банкете». Один из них играл на аккордеоне и пел норвежские песни.

Мы пели русские песни. Когда речь зашла о песне про «любовь двух деревьев»:

«Как бы мне, рябине, к дубу перебраться,

Я бы не стала больше гнуться и качаться».

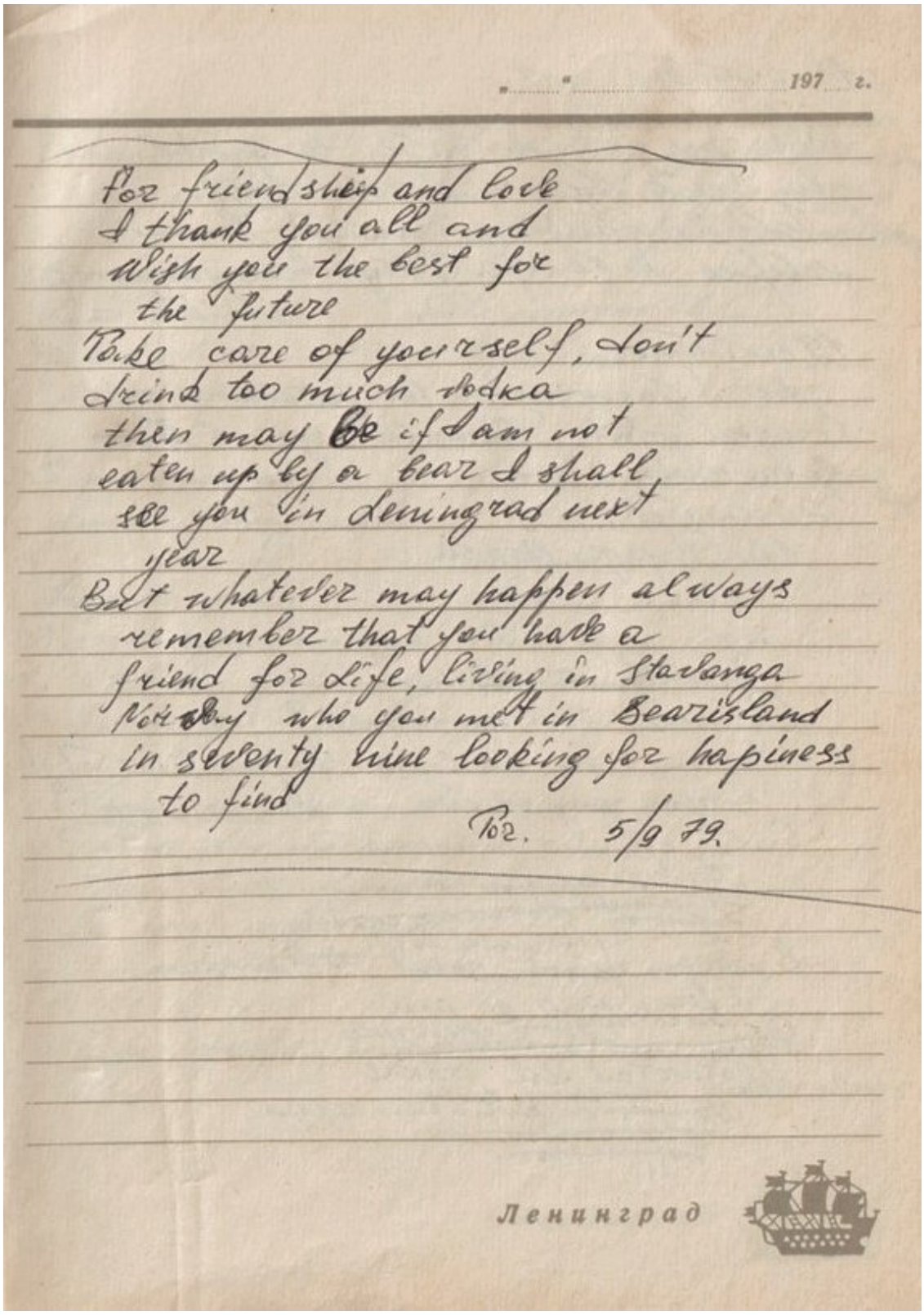
Пояснить смысл строк оказалось непросто. Тогда один из норвежцев, Тор, взял два полена и поставил их рядом — так, как он это понял. Пожалуй, это было самое точное объяснение.

Мой товарищ по ЛАУ, Иван Мананков, пел песни на узбекском языке — «Алтын пахта…». Ваня был из Ферганы, хорошо знал узбекский и отлично танцевал. «Калинка» в его исполнении очень понравилась норвежцам.

Вечер получился по-настоящему тёплым. А на прощание Тор подарил нам всем красивые кружки с надписью «Bjørnøya», и записал нам пожелание. Эта кружка до сих пор со мной.



Подарок норвежских полярников со станции на острове Медвежий (Bjørnøya), 1979 год.



Пожелание Тора, записанное в 1979 году на острове Медвежий.

Кружка оставалась в Джамбуле, вместе с моими родителями. Я закончил училище, уехал на Диксон. Периодически приезжал в отпуск, хотел забрать кружку на север. Но меня отговаривали. А в 1997 году родители переехали в Грецию. У меня уже была своя семья, и я думал, что распрощался со своим норвежским сувениром.

Каково же было моё удивление, когда в 2001 году я приехал в Грецию в отпуск и узнал, что многое осталось в Джамбуле, а кружку родители привезли.

Прошло больше двадцати лет, и кружка всё-таки вернулась ко мне. Впрочем, тогда мы этого не знали.

В тот вечер, сидя с Сергеем за чаем в общежитии, мы просто вспоминали училище, практику и старых друзей.

Узнав, что я собрался вступать в члены КПСС, Серёга просто сказал:

— Ну… это твоё дело.

Через несколько дней пришло письмо от Ларисы. Она удивлялась моему решению вступать в партию, но на мой вопрос, можно ли приехать к ней летом в гости, ответила положительно. И мне хотелось, чтобы время шло быстрей.

Но работу никто не отменял. Мне нужно было подготовить и выпустить своих учеников радистов. В марте начинали писать заявления на отпуск и составляли график. Я написал на начало июля, и надеялся, что дату не изменят. Летом в отпуск обычно уезжали те, кто не был в отпуске годом ранее. Моё заявление осталось без изменений и это меня обрадовало.

До отпуска оставалось ещё несколько месяцев. Жизнь шла своим чередом. В общежитии оставались только мы с Рафиком, и иногда по вечерам я заходил в соседний подъезд — там было такое же общежитие. Трёхкомнатная квартира, в каждой комнате жили по два человека. Ребята были интересные, примерно моего возраста. Среди нас особенно выделялся Володя Тишин.

Он был старше нас лет на пять. Учился заочно на философском факультете ЛГУ. У него было много друзей с полярных станций и экспедиций, которых на Диксоне было немало. Несколько раз он участвовал в высокоширотных экспедициях. Рассказывал как ещё старшеклассником, гуляя по Ленинграду и слушая песни А. Макаревича, попал с друзьями в милицию. Продержали их там ночь, а утром отпустили.

Тогда эта история казалась мне странной. Когда я учился в Ленинграде, мы совершенно спокойно ходили на концерт «Машины времени». Но история нашей страны не раз показывала, что времена меняются: то, что сегодня запрещено, завтра становится обычным, и наоборот.

Вспоминая судьбу своих родителей, я тогда был уверен, что то тяжёлое время ушло безвозвратно. Увы, я ошибался. Но понял это гораздо позже.

В тот период в комсомольских организациях были пропагандисты. Тишин был беспартийным. В то же время он был пропагандистом, возможно это было связано с его обучением в университете, и необходимостью какой-то практики. Заместителем пропагандиста был я. Можно отметить, что Владимир очень интересно выбирал темы, отвечал на вопросы. На одном из занятий был задан вопрос про Афганистан:

— Мы воюем в Афганистане. В чём разница: будем там мы или или американцы?

Вопрос был и интересный, и сложный. В то время информацию можно было почерпнуть только из официальной прессы, в которой всё было однозначно — интернациональный долг. Была возможность слушать и «Голос Америки», другие «вражеские» радиостанции. Мне было интересно, что скажет Владимир. Он говорил всегда довольно тихо и обстоятельно, но слушали его с интересом. Рассматривая разные позиции, вывод был такой:

— Надо смотреть, что остаётся в стране после освобождения селений, что делает там наше правительство. Мы строим школы, помогаем в дальнейшей жизни.

Возразить что-либо на эти слова было трудно. Да и собственных знаний почти не было. О войне в Афганистане я тогда знал немного. Но один разговор всё-таки часто вспоминался.

О том, что не всё просто там, мне немного рассказывал мой одноклассник Исмаил-Ахунов Бахадыр. Его после школы призвали в армию. И через год он оказался в Афганистане. В 1978 или в 1979 году я был дома в Джамбуле на летних каникулах. Неожиданно в гости зашёл Бахадыр. Он замечательно играл в футбол. В школьные годы на уроках физкультуры, мы играли в одной команде — за «англичан» и против «немцев». Англичане — были те, кто изучал английский язык.

Я очень обрадовался его приходу. После школы мы больше не виделись, и я ничего не знал о том где он, чем занимается. Пошли с ним прогуляться, разговорились, узнал, что он служил в «Афгане». Я задавал вопросы, как что… Бахадыр — довольно спокойный, неразговорчивый, добрый человек рассказывал:

— Сначала было тихо, проезжаем на БТРе какое-нибудь село, и в каком нибудь из домов ставят на «дувал» (каменный или глинобитный забор) пулемёт, и стреляют по нам. Мы не отвечали. Одного товарища я так потерял. Потом уже когда случались такие вещи и нас расстреливали из пулёмета, заходили в этот дом бросали гранату…

Бахадыр был немного старше меня, но седина уже была. Вспоминали одноклассников, кто где учится, чем занимается. Он был единственным из нашего выпуска, который прошёл в Афганистан.

Баха — так мы его звали в школе, предложил сходить в парк, там в кафе работал его брат. Расспрашивал про одноклассников, он заходил ко многим из них, но никого не нашёл. Я знал больше и рассказывал ему кто, где учится, чем занимается. В кафе у его брата он предложил мне выпить пива, но сам не пил. И курить он не начал. Ещё через несколько лет, когда я уже был женат, мы встретились снова. Разговорились. Тогда я узнал, что ему предложили командировку и он второй раз ездил в Афганистан. На полгода. Он занимался связью. На мой вопрос:

— Баха, зачем?

— Работы не было нормальной, квартиры тоже. Жил с родителями. Вот и решил.

Я знал, что у них в семье было одиннадцать детей, когда мы учились. Вот такими запомнились мне наши встречи с Бахадыром. После этого мы больше не встречались.

Тогда мы ещё не могли предполагать, что жизнь разведёт нас по разным городам и даже странам. Разные жизненные ситуации мне всегда напоминали футбол. Отдал пас влево — игра пошла в одну сторону. Отдал вправо — и всё развивается уже иначе. И уже не вернуться назад, не проверить — а как бы всё было.

Иногда я думал: что было бы, если бы в девятом классе не купил книгу для поступающих в вузы и техникумы? Тогда я никогда бы и не узнал про Арктическое училище.

А если бы Лариса не решила поступать в МАИ, то и я бы не поехал в Москву.

Сколько ещё таких поворотов было впереди, я тогда не знал.

После таких занятий ещё долго хотелось думать и разговаривать. Владимир никогда не навязывал своё мнение, но умел поставить вопрос так, что ответ на него каждый искал сам. Поэтому и заходил я к ним в общежитие довольно часто.

В один из таких вечеров, в общежитии, где жил Владимир Тишин, я познакомился с Валерой Портновым. Раньше он работал в обсерватории имени Кренкеля на острове Хейса. Перевёлся работать на Диксон и собирался уехать в Антарктиду. Мы быстро подружились. Валера оказался интересным собеседником. Решили приобрести туристическую путёвку «По военно-Сухумской дороге». Была такая путёвка, наполовину она была пешеходная, переход через перевал — это нам и понравилось. Членам профсоюза предоставлялась скидка по-моему тридцать процентов. Так, ещё не уехав в отпуск, мы уже планировали своё путешествие. Правда, само путешествие начиналось только в конце сентября.

Планы на отпуск были большие. Сначала — поездка к Ларисе в Иркутскую область. Потом — к родителям, в родной Джамбул. Затем — на Кавказ по туристической путёвке. После этого снова в Джамбул, как раз ко дню рождения отца. А затем — обратно, на ставший уже родным Диксон.

Оставалось только дождаться отпуска. А пока жизнь шла своим привычным порядком. В феврале отмечали День солнца. С каждым днём становилось всё светлее и радостнее — полярная ночь отступала, впереди был полярный день. 23 февраля и 8 марта отмечались во всех коллективах управления. В апреле уже можно было гулять по острову и за его пределами, если позволяла погода. А май был вообще прекрасным временем: помимо праздников можно было кататься на лыжах, ходить по острову. Впереди были соревнования по футболу, и мы уже выходили тренироваться на лёд.

Время проходило довольно быстро. Мои ученики уже были готовы к квалификационным экзаменам, но волнение оставалось и у них, и у меня. Чаще стал приходить на приёмную по различным вопросам работы. Однажды попал в смену Худенцова Олега. У него работал и Николай Богдан. Стоим в курилке, Олег, в своём стиле, начинает «подначивать» меня:

— Ты что в партию собрался? В начальники хочешь выбиться?

Коля Богдан улыбался. Они с Олегом были друзьями и долго работали в одной смене. Я тоже уже знал Олега довольно хорошо, и его манеру общения. Он был честным и справедливым начальником смены и отличным специалистом. Оба относились ко мне хорошо, иногда по-отечески. Но это не ограждало меня от их шуток и небольших розыгрышей. С Олегом иногда было совершенно непонятно шутит он или говорит всерьёз. Он был старше меня лет на десять, наверное. Общаться и работать с ними всегда было приятно. В этой же смене работала и жена Олега — Тамара Васильевна. Помимо того, что она была телеграфисткой первого класса, она была очень умным и образованным человеком. С юмором у неё было всё в порядке, и она вместе с Пружановой Надеждой довольно часто смущали меня разными вопросами. Женщины у которых уже были довольно взрослые дети, не отказывали себе в удовольствии немного подшутить над молодым человеком. С Тамарой Васильевной мы были очень дружны и это осталось на всю жизнь, несмотря на разницу в возрасте. Беседовать с ней было всегда приятно. А их желание заставить меня смущаться, меня не огорчало, а потом я и вовсе привык к их шуткам. Тамара Васильевна и Олег были одноклассниками. Олег закончил ЛАУ, а Тамара Васильевна — педагогический институт. Это были добрые и хорошие люди. Да и вообще, большинство сотрудников приёмной именно такими мне и запомнились. С ними было приятно и работать, и просто общаться.

Приходили на приёмную и вместе с учениками, которым через какое-то время предстояло здесь работать. Знакомились с радистами, с коллективами разных смен. До экзаменов оставалось совсем немного времени. Волновались не только мои ученики — пожалуй, я волновался ещё больше. Вспоминал, что когда предложили обучать на радистов людей, которые до этого ничем подобным не занимались, у меня были большие сомнения. Получится или нет, это же не общественная нагрузка, а реальные люди.

Не знаю, почему именно мне решили поручить обучение будущих радистов. Предложил попробовать себя в роли «учителя» Леонид Александрович Угловой — начальник оперативного состава приёмной. Все поддерживали меня, шутили, а если я обращался за помощью, отказа не было. Часто обращался за советом и поддержкой к Зинаиде Николаевне Богдановой. Но, как бы ни складывались обстоятельства, отвечать за результат предстояло мне.

И вот обучение осталось позади, наступило время экзаменов. Отличные результаты у ребят: Димы Неруша и Сергея Силина. Хорошо сдали экзамены и девушки: Катя Ткачук, Юля Гомель. А вот Ирина Кулик сдавала экзамен позже — у неё родился ребёнок. Однако спустя некоторое время Ирина тоже успешно сдала экзамен и получила квалификацию радиоопера-

тора 3 класса. К сожалению, ребят сразу на работу не взяли. Дима Неруш был ещё молод, и его не могли принять на работу. А Сергей Силин получил повестку в армию.

Девушки начали работать стажёрами на первом районе, и через некоторое время уже самостоятельно несли вахты. Иногда возникали и курьёзные ситуации. Один из таких случаев спустя много лет вспомнила Люба Богдан.

Смена Николая Богдана. Ночная вахта, последний синоптический срок. Начальник смены настраивает аппаратуру для приёма метеосводок, которые затем отправляются в бюро погоды. Все немного спешат — надо передать всё в срок и подготовиться к пересменке.

Радисты принимают синоптику и передают телеграфисткам, которые формируют метеобюллетени и отправляют их в Амдерму, Тикси и далее по назначению.

Вспоминает Люба Богдан:

Ночная смена. Последний синсрок за рабочую смену… Все уставшие, хотят спать, но… Ещё рывок — и домой отдыхать. А пока собираем информацию. За отправку информации в срок отвечает начальник смены. Он же настраивает аппаратуру, при необходимости заменяет неисправную, отвечает за полноту доставки информации в бюро погоды. «Первый лист» синоптики Диксона должен до 10-й минуты уйти в Амдерму, и далее в Обнинск. В список этого листа входят станции Желания, Уединения, которые принимает радист «первого района». Этих сводок пока нет, а время уходит.

И тут из кабинки выбегает радистка Катя и кричит:

— Коля, у меня Желание есть, а Уединения совсем нет! Что делать?

Николай, то ли на автомате, то ли уже сообразив, с юмором:

— Катя, потерпи, сейчас найду.

Полусонные телеграфистки сначала не поняли, в чём дело, а потом в зале раздался дружный смех. И ещё долго потом подшучивали над Катериной:

— Катюша, желание ещё не пропало?

Моя работа «учителя» на этом закончилась, но я разумеется продолжал следить за своими «учениками». Радовался их успехам, осознавая что в этом есть и небольшая моя заслуга. Я вернулся в смену Копышкова радистом. Это было уже привычно, и работа доставляла удовольствие.

До отпуска оставалось больше месяца. Тундра ещё вся была под снегом. В конце мая самое время ходить на лыжах. Мне всегда нравилось «бегать» на лыжах, спускаться с горок. В свои выходные я иногда ходил на лыжные прогулки вместе со знакомыми девушками. С Людой Кокшаровой и Ириной Ильиной мы были хорошо знакомы, хотя и работали в разных отделах гидромета. Прогулки были очень интересны. Снега много, всё белое, когда спускаешься с небольших горок, кажется что всё нормально, но вдруг обнаруживается крутой обрыв, которого не было видно под снегом. Набегаемся, накатаемся — потом чай и разговоры. Ирина была тогда заместителем комсорга гидрометслужбы. Ответственная, обаятельная девушка. Позже она стала освобожденным комсоргом гидрометслужбы. Люда Кокшарова — симпатичная и довольно спортивная девушка, и на лыжах хорошо ходила, и в спортзале часто бывала. Посёлок гидромета небольшой, мы все друг друга знали и довольно часто общались. А общего у нас было — работа, книги, друзья — молодость!



Очередная «горка» покорилась. Ирина Ильина и Николай Параскевопуло. Май 1984 года. Из личного архива автора.

Общались мы не очень часто. Но у девушек в общежитии был телевизор, а в мужском общежитии его не было. Это тоже иногда становилось поводом — зайти в гости. В это время проходил чемпионат Европы по футболу. Особенно запомнился полуфинал Франция — Португалия. Матч был действительно драматическим, и было досадно, что смотрел я его один. Эмоций было много, а поделиться ими было не с кем. Девушкам футбол был не особенно интересен, а ребята либо работали, либо на вахтах. Так проходило время.

Именно в это время в посёлке гидромета появилась ещё одна интересная затея — собственная «радиогазета».

В каждой квартире была радиоточка, через которую шла постоянная трансляция программ из Дудинки. Связь с Дудинкой осуществлялась по тропосферной радиорелейной линии, и не всегда была качественной. Часто в эфире слышались шумы, иногда связь прерывалась.

Местные объявления о погоде и другой информации передавались с приёмного центра связи. Утром в 7:15 и в обеденный перерыв — 13:15 начальник смены отключал эфир из Дудинки и сообщал необходимую информацию жителям «гидромета».

Однажды в эфире появились музыкальные поздравления для работников гидромета. Это было неожиданно, и оказалось началом довольно интересного проекта, который впоследствии назвали «радиогазета».

Из воспоминаний Лены Загребельной:

— Я вспомнила, как начиналась радиогазета. Сначала всё было очень просто. Мы с Анатолием Клейном записывали передачи у него дома. В основном это были музыкальные заявки к какому-нибудь празднику. Ну и начитывали текст. Допустим, звучит заявка для Марьи Ива-

новой. Марья Иванова, сотрудник такого-то отдела, проработала столько-то лет. Такие-то у неё заслуги. И в подарок звучит песня. Вот было так. Редко-редко там какие-то были новости. И вот мы с Анатолием писали у него дома. И, наверное, один год или немного больше, к каждому празднику был выпуск таких музыкальных поздравлений. А потом уже с другим составом начали заниматься радиогазетой немного в другом формате.

Оставались и музыкальные заявки — поздравления. Обсуждались разные идеи — что включать в выпуск, какие новости, события. Вот казалось, что тут такого: тебя не видят слушатели, ты один на один с микрофоном, но как билось сердце, пересыхало во рту, садился голос. Было такое волнение!

Я понимала этот груз ответственности за каждое слово: в новостях, в шутках, в музыкальных паузах и кулинарных рецептах. Ведь наши выпуски отправляли на полярные станции. На какие — уже не помню.

А вот что об этом вспоминает Олег Усольцев, один из главных организаторов радиогазеты:

Олег Тэн меня пригласил этим заниматься, видимо, у него было такое партийное поручение, но как-то не очень успешно оно выполнялось. Один раз мы с ним совместно сделали радиогазету. В управлении был кабинет, где стоял магнитофон и микрофон к нему, и всё. Потом Тэн как-то тихо отстранился от этого поручения, оставив меня заниматься этим делом. Видимо, уповая на мою молодость и «души прекрасные порывы».

Пришлось активничать, да и понравилось мне этим заниматься. Потом подтянулись заинтересованные люди, и возникла настоящая редколлегия с дикторами и техническим персоналом.

Поначалу надо было записать газету, потом тащить магнитофон ещё на приёмную, подключать к усилителю, который вещал на весь посёлок. Позже я уже протянул линию в Красный уголок, и подключаться можно было уже прямо там. Долго не удавалось договориться о помещении для студии. Но потом каким-то образом вопрос решился. Под студию разрешили использовать помещение в Красном уголке. Мы оборудовали его, почти как положено. Установили аппаратуру, отдельно сделали комнату, из которой шло вещание на посёлок гидрометa. Звукозащищённая кабина, хорошие микрофоны, позже появился микшерский пульт и магнитофоны.

Организовывалось всё силами специалистов ТЦС: Сергей Дорогань, Олег Усольцев, Олег Тэн. Дикторами и ведущими были мы вместе с Леной Загребельной. Запись вёл Костя Сальников. У него была большая коллекция советской музыки.

Диктор — звукооператор — режиссёр — это были мои обязанности. Также работали с нами и помогали Майя Николаевна Наумова и Сергей Дорогань.

Темы выпусков были разными: информация о комсомольских, профсоюзных и партийных собраниях, партхозактивах, субботниках. Новости отделов и служб управления. Комментарии различных событий, которые происходили в управлении и районе. Спортивные соревнования, праздники — всё это освещалось.

Иногда включались записи живых выступлений с различных мероприятий. И, конечно, очень популярными были музыкальные поздравления для жителей. На нескольких объектах управления повесили ящики для обратной связи со слушателями и сбора заявок — поздравлений с заказами песен для сотрудников.

Выходила радиогазета по воскресеньям и повтор был в понедельник. Приходилось также читать тексты по «Гражданской обороне». Работа по выпуску газеты была интересной, со спорами в редакции по формату и содержимому.

Надо отметить, что радиогазета была очень популярна у жителей посёлка. Её ждали не только на Диксоне — выпуски отправляли и полярникам в обсерваторию на мысе Челюскин.

Появилась и заметка «В эфире — Арктика» в окружной газете «Советский Таймыр». Это стало подтверждением того, что коллектив делает нужное дело.



ВЕЧЕРНЯЯ — ДЕНЬ РАДИО И ПРАЗДНИК РАБОТНИКОВ ВСЕХ ОТРАСЛЕЙ СВЯЗИ

В ЭФИРЕ—«АРКТИКА»

Радиогазета Диксонского управления по гидрометеорологии и контролю природной среды звучит на острове по воскресеньям, а затем ее повтор можно услышать в понедельник, в обеденный перерыв.

Олег Николаевич Усольцев — редактор, звукорежиссер и один из дикторов радиогазеты — делает выпуски увлеченно, творчески. Учитывать мнение слушателей внештатной редакции помогают опросы, проведенное недавно в коллективе ДУГКС анкетирование. Во всех основных подразделениях управления появились ящики для писем в радиогазету.

Коммунист О. Н. Усольцев — инженер территориального центра связи. Поэтому День радио — двойной праздник для него, энтузиаста и организатора выпуска газеты без проводов и бумаги.

Высокое профессиональное мастерство, знание радиодела позволили связистам управления по гидрометеорологии и контролю природной среды оборудовать в свободное время небольшую современную студию, добиться показательной чистоты звучания.

Олег Николаевич — ответственный за идеологическую работу в партбюро территориального центра связи, входит в состав бюро Диксонского районного комитета ВЛКСМ. Неудивительно, что выпуски радиогазеты информационно насыщенны, имеют широкий общественный резонанс, критичны, злободневны.

— В будущем больше внимания будем уделять радиопрожектору, сообщениям о партийных, комсомольских собраниях, актуальных вопросах, вынесенных на заседания объединенного комитета профсоюза, — делится замыслами О. Н. Усольцев. — Предоставим слово интересным людям, будем продолжать готовить музыкальные приложения.

Есть у арктической радиогазеты свои позывные, которые узнают на Диксоне. Знают полярники голос Олега Николаевича Усольцева, Майи Николаевны Наумовой — инженера автоматической системы передачи данных. В активе редакции оператор службы средств измерения Сергей Дорогань и Олег Тен из территориального центра связи.

Принимает радиогазета заявки от коллективов и цехов отделов, юбиляров, ветеранов. Возвращаются корреспонденты к затронутым ранее проблемам. В выпусках намечается определенная система.

Когда появилась целенаправленность, тогда стал складываться и контингент слушателей. Приходят сейчас ответы на критические радиопередачи.

Популярна радиогазета гидрометеорологов. Свидетельством этого стали просьбы полярников с арктических станций, обсерваторий присылать к ним магнитные записи передач, чтобы быть в курсе общественной жизни всего управления. Кассеты уже отправлены на мыс Челюскина.

...Трансляция начата. Олег Николаевич Усольцев работает за сложным современным пультом уверенно, привычно. Готовил передачу целый коллектив, предназначена она для поселка гидрометеорологов, но ответственность лежит на редакторе, который любое поручение выполняет так, как велит ему долг коммуниста.

А. ЛЕВЕНКО, корр. «Советского Таймыра». Фото автора.

Публикация « В эфире — Арктика» в окружной газете «Советский Таймыр». Из архива О.Н. Усольцева.

Весна на Диксоне шла своим чередом. До отпуска оставалось чуть больше месяца, и жизнь текла привычно: работа, друзья, разговоры и ожидание лета. На рыбалку ходить было ещё рано — бухта всё ещё стояла во льду. Основное время занимала работа и общение с друзьями. У нас в общежитии появился ещё один человек.

Это был Роман Шилов, метеоролог по профессии, очень добрый и безобидный человек. Он работал на метеостанции вместе с Людой Кокшаровой. Однажды я зашёл к нему в комнату и удивился: Ромка занимался «растягиванием». Мы оба были невысокого роста, и тогда нам казалось, что это серьёзная проблема. Не знаю, насколько помогли ему эти упражнения, но ростом мы так и остались примерно одинаковыми. С возрастом я перестал обращать внимание на эту «проблему». Мы часто беседовали на общей кухне. Ромка, Рафик и я — вот и все оставшиеся жители нашей трёхкомнатной квартиры.

Иногда заходила в гости Лена Протопопова. Она приехала на Диксон после окончания Ленинградского университета и работала в другом отделе. Пили чай, разговаривали, обсуждали фильмы и книги. В молодости Лена была настоящей поклонницей Алисы Фрейндлих и могла долго рассказывать о её ролях и фильмах. Мне тоже нравилась Алиса Фрейндлих, но знал я о ней совсем немного. Вспоминался фильм «Служебный роман». Я смотрел его в Петродворце, во время учёбы в ЛАУ, и до сих пор помню то светлое и радостное чувство, которое осталось после просмотра.

Так проходило время. Мне же казалось, что оно тянется очень медленно — хотелось скорее дождаться отпуска. В середине июня мою кандидатуру рассмотрели на партбюро гидрометслужбы, и рекомендовали общему собранию принять меня в партию. Сомнения у меня ещё оставались, но, по сути вопрос был уже решён.

В это время Володя Тишин иногда просил меня помочь напечатать документы для депутатских запросов и выступлений на сессиях исполкома. Он был депутатом Диксонского район-

ного Совета. Сам Володя печатал на машинке довольно медленно, а для меня это не составляло трудностей. Заодно обсуждали и сами вопросы, которые он собирался поднимать на сессиях.

Среди них были и вопросы распределения продуктов между островом и посёлком. Нам всегда казалось, что жителей острова немного «обделяют». На острове не было нормальных складских помещений для хранения овощей и других продуктов. Райком партии, райисполком, милиция, больница и некоторые другие организации находились в посёлке. Между «островскими» и «поселковыми» существовало своеобразное, негласное соперничество.

Позже, перечитывая свой дневник, я мысленно возвращался в то время. Интересно вспоминать, о чём я думал в свои двадцать пять лет.

Время шло, и наконец наступил долгожданный отпуск. Рейсовый самолёт — ЯК-40 прилетал на Диксон, пилоты ночевали в гостинице, а на следующий день в обратный путь. Диксон — Алыкель — Подкаменная Тунгуска — Красноярск.

Прилетели в Красноярск и сразу отправились на железнодорожный вокзал вместе с Зилей Калининой. Она работала в гидромете, ей нужно было ехать в сторону Новосибирска, а мне в противоположную. До отправления оставалось ещё много времени, но за разговорами оно прошло незаметно. Мы были знакомы ещё на Диксоне, часто встречались в спортзале. Играли вместе в волейбол на площадке. Дождались её поезда, пожелал Зиле удачной поездки. А через несколько часов подошёл и мой поезд.

И вот я уже ехал к Ларисе — моей однокласснице. Когда-то именно из-за неё я поехал поступать в Москву, а не в Ленинград. И думаю, это был один из поворотов в моей жизни. Родителям я написал, что еду в Усть-Кут искать другую работу. Братск, Ангара — знакомые только по книгам места — поражали своими масштабами даже из окна поезда.

Через восемнадцать-двадцать часов я уже был в Усть-Куте. Мне нужно было добраться до рабочего посёлка Якурим. Туда по расписанию ходил рейсовый автобус, и я как раз успел на него. До Якурима было километров двенадцать. В автобусе спросил одного молодого человека, где находится общежитие, и он всё подробно объяснил. Двухэтажное деревянное здание. Узнал, в какой комнате живёт Лариса, но сказали, что её дома нет — она на дискотеке в школе.

Подумалось: «Ну вот... приехал, а она на дискотеке...». Правда, Лариса просила заранее дать телеграмму, но я решил сделать сюрприз. Узнал, где находится школа, и решил пойти туда сам.

Посёлок оказался небольшим. Почти все дома — одноэтажные, деревянные. Нашёл школу, на крыльце курили ребята, я ловил на себе их взгляды — новый человек сразу виден в небольшом посёлке. Зашёл в школу… и тут вижу — со второго этажа уже бежит Лариса. Кто-то успел сказать ей, что приехал какой-то нерусский — и спрашивает её.

Мы не виделись уже года четыре:

— Ну что ты, Колька, я же говорила — дай телеграмму.

Мы пошли в общежитие.

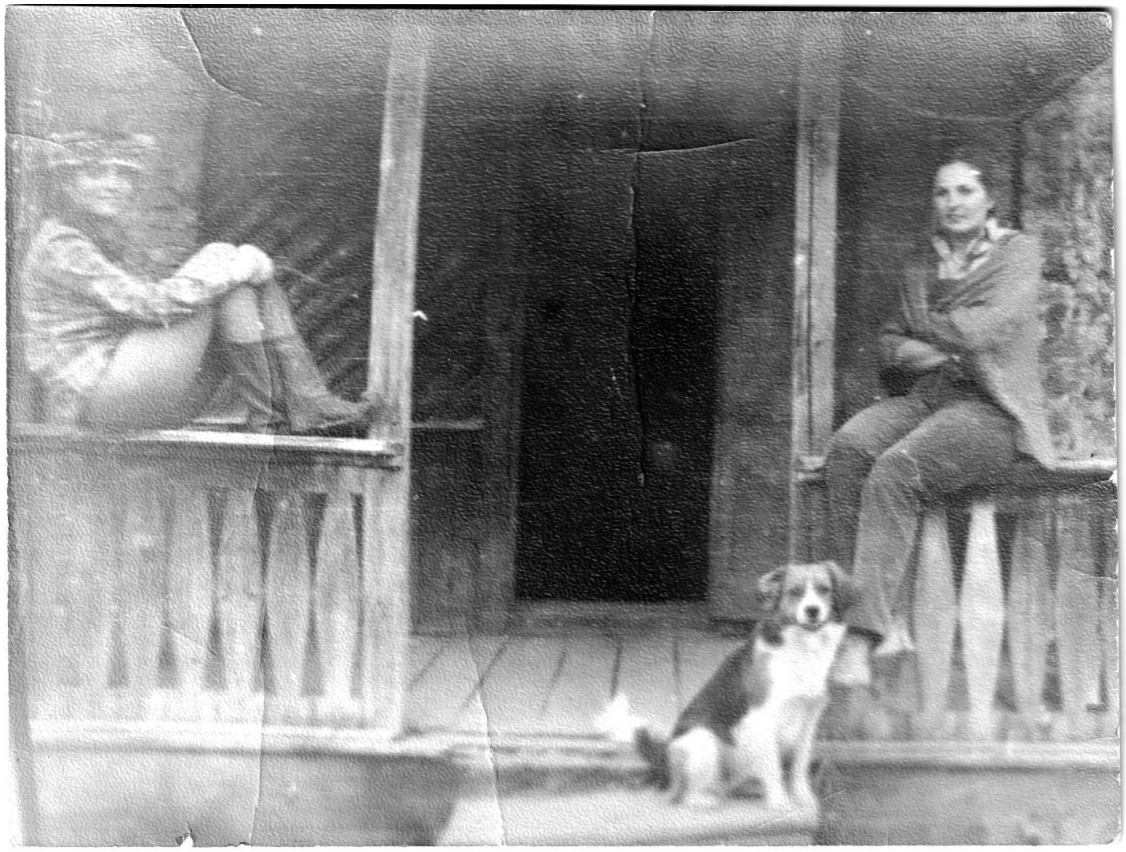
Комната у Ларисы была небольшой, но уютной. Меня удивило, что всю электрическую проводку и некоторые полки она сделала сама. На полках я заметил несколько книг, которые были и у меня. Вспоминали своих одноклассников — кто где живёт, чем занимается. После школы прошло восемь лет.

Потом заглянул парень — знакомый одной из Ларисиных подруг. Я вышел с ним покурить. Похоже, дискотека уже закончилась. Подошёл ещё кто-то из местных ребят. Он о чём-то рассказывал, расспрашивал меня, пока не вышла Лариса и не объяснила, что я только сегодня приехал и никого здесь не знаю. После этого нам уже никто не мешал. Говорили долго, но Ларисе завтра на работу. Она рассказала мне, что есть в посёлке, как добраться до города, если нужно будет. Потом ушла. В этом же общежитии была комната отпускников за которой она присматривала.

Утром зашла Лариса. Я пожаловался, что почти не спал — кажется, меня кто-то искусал! Оказалось в общежитии были «клопы». Это была моя вторая встреча с этими неприятными существами, первую, правда, я не помнил. Но мама рассказывала, что первый год моей жизни мы всей семьей жили в бараке, и никакого сладу с этими насекомыми не было. Бараков было несколько. В каждом жили по пять-шесть семей и простояли они довольно долго.

Лариса была в спецодежде, помахала рукой и убежала на работу. Она работала мастером в мостоотряде. Надо сказать, спецодежда ей была к лицу. Лариса повзрослела. Она стала женственнее. В школе она казалась мне немного мальчишкой. А сейчас это была молодая девушка с приятной улыбкой и красивыми глазами.

А я остался ждать.



Якурим, лето 1984 года. Общежитие, где жила Лариса (слева Лариса). Фотография из архива автора.

Днём решил прогуляться по посёлку. Дошёл до Лены — ну и река! Здесь она была довольно широкой, но течение — страшное. Наше «диксонское море» спокойнее. Но сила и напор реки меня поразили.

Поехал в город, на железнодорожный вокзал. Посмотрел расписание поездов до Красноярска, Новосибирска. Рядом с вокзалом продавали шашлык. Решил попробовать, какой шашлык готовят в Сибири. Куски мяса были довольно большие, но не очень прожаренные. Наш, джамбульский, был гораздо вкуснее, хоть кусочки мяса и были маленькими, а стоил он тогда 25 копеек, столько же стоила и пачка папирос «Беломорканал».

Вернулся в Якурим на автобусе. Пока шёл до общежития, начался дождик. Лариса пришла с работы поздно. Сдавала наряды и поэтому задержалась, к тому же промокла под дождём. Сказала:

— Завтра постараюсь прийти пораньше, пойдем с тобой в тайгу.

Но назавтра я решил, что чудес на свете не бывает, и я совсем не нужен Ларисе. Поехал на вокзал и взял билет на поезд до Новосибирска. Когда Лариса вернулась с работы, я ей сказал об этом. В ответ услышал:

— Ну и зря! Мы же ещё даже в тайгу не сходили.

Чувствовалась неловкость, но она проводила меня до вокзала, передала сумку с гостинцами для родителей в Джамбуле. По дороге я её спросил:

— Может, на Диксон приедешь в гости?

Ответ был отрицательным. В общем, уезжал я в тяжёлом настроении.

Вот так начинался мой отпуск.

Поезд до Новосибирска шёл больше суток. Времени для размышлений было достаточно. Я не был уверен, что поступил правильно. Сомнения оставались. Но назад пути уже не было. И вот наконец-то Новосибирск. Сразу поднялся к кассам на втором этаже. Народу было много, очередь за билетами большая. Увидел «земляков» — узнать их было не трудно: халат, тюбетейка. Сразу подошёл к ним, поздоровался, спросил:

— Как с билетами в нашу сторону — Ташкент, Алма-Ата, Фрунзе?

Ответ меня огорчил:

— Неделю уже здесь, сидим не можем уехать. Лучше самолётом.

И я туда и поехал. Толмачёво. Аэропорт большой, но я не успел его рассмотреть — шла регистрация на рейс Новосибирск — Джамбул. Я обрадовался, быстро к кассе:

— Один билет до Джамбула.

А билетов уже не было. Поставил чемодан у колонны, недалеко от кассы, начал соображать, что делать дальше. И вдруг:

— Кому билет нужен был до Джамбула?

Повезло! Купил билет — сразу регистрация, и в самолёт. Через два с половиной часа — посадка в родном Джамбуле.

Вот я и дома.

Дома всегда хорошо. Меня ждали и родители, и двенадцатилетний брат. Больше всех была рада мама. Она всегда переживала за меня. Отец просто спросил:

— Ну что, нашёл другую работу?

Не знаю, догадывались ли они, зачем я ездил в Усть-Кут. Но больше вопросов по этому поводу не возникало. Мама волновалась, что я один, без девушки. И однажды организовала мне поход в кино, вместе с моей сестрой и её мужем. Когда пришли в кинотеатр, оказалось, что там была ещё одна девушка — их знакомая. После просмотра фильма вернулись домой. Дома мать вопросительно посмотрела на меня. Я понял, чего она ждёт, и сказал:

— Больше так делать не надо, я сам найду себе девушку и женюсь. Если вы будете мне искать невест, я вообще уеду.

Конечно, родители хотели как лучше, но больше таких встреч не было. Проводили время с братом, играли в волейбол и футбол. Он заметно вырос. В то время были очень популярны кассетные магнитофоны. Мы выбрали двухкассетный «Маяк».

Одноклассников своих не нашёл, многие уехали, кто-то работал. Встретился с Галей Назыровой, она была из параллельного класса, но в начальной школе четыре года мы учились вместе. Галя работала метеорологом в аэропорту. Вспоминали своих одноклассников, просматривали фотографии. И мы решили найти нашу первую учительницу — Екатерину Петровну Негоду. Узнали адрес и приехали к ней в гости. Как ни странно, она нас узнала. Поси-

дели, попили чай с тортом. Вспоминали знакомых ребят, с кем учились, наши первые успехи в начальной школе.



Наш первый класс с первой учительницей Екатериной Петровной Негодой. Джамбул 1966 год. Фото из архива автора.

Вспомнилась и наша школа. Двухэтажная, с туалетом на улице. Уроки физкультуры проходили летом на площадке рядом со школой. Основными играми были «Третий лишний» и, кажется, «Выбивалы». Иногда к праздникам ставили спектакли. Помню, что принимал участие в одном таком спектакле, у меня была роль «Арлекино». Помню, как мама шила мне костюм для этого спектакля. В первых классах к Восьмому марта мы делали для мам «копилки» — интересные поделки из картона, которые обшивали разноцветной тканью. Перьевые ручки, чернильницы. Как много изменилось.

Вот так и проходил отпуск. Лето у нас в Джамбуле жаркое, и в основном я проводил время дома с братом и родителями. Ждал начала путешествия по туристической путёвке. И почему-то надеялся, что Лариса напишет мне письмо в Джамбул. Сходил в гости к родителям Ларисы, передал гостинцы от Ларисы. Поговорили, попили чай. Впервые я так долго общался с её родителями. Раньше они жили в Амурской области, возможно, поэтому они расспрашивали про Арктику. Спрашивали, кем я работаю, какие организации есть на Диксоне, как переносится полярная ночь и полярный день.

Вспомнил, как в школе первый раз приходил к Ларисе домой — возвращал фотоаппарат. Мы с классом ездили в горы. Лариса не поехала, но передала мне фотоаппарат и попросила пофотографировать там. Когда я возвращал фотоаппарат, дверь открыла её мама и позвала Ларису:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.